

и развить передовые, прогрессивные ее элементы и преодолеть вредные, отживающие, тормозящие прогрессивное развитие народа на путях строительства коммунизма. Этим определяется последовательный историзм советской школы в этнографии, которая, в соответствии с методологией марксизма-ленинизма, исследует изучаемые явления в их движении, развитии и изменении. Функционалисты предлагают консервировать варварские обычаи туземных обществ; их не интересует путь развития национальной культуры, поэтому они отвергают исторический метод ее изучения. Нельзя говорить без оговорок о теоретической беспомощности функционализма и разногласиях между его лидерами, так как, представляя собой с научной точки зрения невежественную страляню, нагромождение воплющих противоречий, с точки зрения своих подлинных задач эта школа очень последовательна и теоретически (биологизация, антиисторизм, психологизм), и практически (консервация туземных реакционных институтов для нужд колониального управления). Все дело в том, указал С. П. Толстов, что функционалистам приходится маскировать практические цели, которым служит их наука, от демократической общественности в своих собственных страхах. Отсюда весь присущий этой школе псевдоученый камуфляж, мнимые «ученые споры» между ее представителями, создающие иллюзию «объективности» в обсуждении вопросов, а на деле никак не затрагивающие действительной основы функционализма как школы, открыто поставившей себя на службу реакционному колониальному империализму.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

20 мая 1947 г. защищена кандидатская диссертация окончившей аспирантуру Института этнографии Т. А. Жданко на тему: «Родоплеменная структура и расселение каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи (XIX—начало XX в)». Официальные оппоненты: доктор исторических наук проф. М. О. Косвен и кандидат филологических наук Н. А. Баскаков. Диссертантка поставила перед собой задачу составить описание родоплеменной структуры каракалпаков с характеристикой основных данных о численности родов и их расселении в низовьях Аму-Дарьи, дать историко-этнографический анализ и сравнение родовой структуры каракалпаков с таковой же других тюркских народов, исследовать историю передвижения различных групп каракалпаков до и после их поселения в Хорезме. Оппоненты оценили представленную работу как солидное исследование, базирующееся на разработке многочисленных русских и восточных источников, архивных документов, обширных и свежих личных полевых материалов. Диссертация иллюстрирована разработанными автором картами, схемами и таблицами, которые сами по себе представляют значительный интерес. Очень ценным считает проф. Косвен собранный диссертанткой материал, устанавливающий наличие у каракалпаков дуальной организации, хотя и в пережиточном, сильно измененном виде; заслугой диссертантки является то, что она сумела на основании этого материала представить отчетливую картину структуры родов у каракалпаков; в частности ею обнаружено существование у этого народа патронимий в виде групп родственных, объединяющей небольшое число семей и носящей название «копе». Это открытие подтверждает наблюдения, сделанные проф. Косвеном в отношении кавказских народов, а также факты, зафиксированные другими современными исследователями (И. Ф. Симоненко в отношении населения Закарпатской Украины и др.). Н. А. Баскаков, охарактеризовав обсуждаемую работу как ценный труд, вносящий много нового в историко-этнографическое изучение каракалпаков, подробнее всего остановился на второй главе как наиболее важной и интересной части работы. Здесь автор дает теоретическое обоснование системы каракалпакских родов, ее историко-этнографический анализ и сравнительно-историческое сопоставление с системой родов у других тюркских народов. Диссертанткой впервые разработана и приведена в систему номенклатура родственных и свойственных отношений между представителями различных родов, вступающих в брачные отношения. Правильно поставлен вопрос об общем происхождении некоторых каракалпакских и монгольских родов. Правильно освещена этимология названий некоторых родов. Умело использованы материалы по родовому строю и этнонимике, представляющие собой сочетание исторических сведений и различных легенд и сообщений информаторов. Наряду с этим Н. А. Баскаков отметил и имеющиеся в работе недочеты, основной из которых связан с тем, что диссертантка объединила в своей работе две различные темы (исследование родоплеменной структуры и истории расселения каракалпаков), каждая из которых требует различного по своей специфике материала. По мнению оппонента следовало бы проследить исторический процесс сложения и формирования родоплеменной структуры каракалпаков, для

чего необходимо было привлечь более широкий материал по родовой системе у других восточных и западных тюркских народов. Недостаточно использован героический эпос каракалпаков и смежных народов. Оппонент отмечает также ряд мелких неточностей и ошибочных этимологий. Все эти недочеты не умаляют значения данной работы, которую оппонент считает весьма ценной не только для этнографов и историков, но и для филологов: Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

20 мая защищена кандидатская диссертация старшим научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского Института Ю. А. Шибаевой на тему: «Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношений». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук проф. М. О. Косвен и кандидат историч. наук Б. А. Васильев. Диссертанткой собран обширный материал о хакасских родах — сѵбках, об их происхождении и расселении; в работе дано их подробное перечисление с последовательным подразделением. Таким образом, указал проф. Косвен, диссертация дает подробное и отчетливое изображение родовой систематики хакасов. Однако, эта систематика носит в известной мере схематический характер: так, например, родовое землепользование в прошлом диссертанткой изображено, но пережитки его, которые несомненно должны были сохраниться хотя бы в сильно модифицированном виде, не показаны. Ю. А. Шибаева собрала большой материал о «фамилии» у хакасов, но вопрос об экономическом содержании этого термина, имеющего здесь иное значение, чем у кавказских народов, диссертанткой до конца не исследован. В работе дан свежий полезный материал, по-новому освещающий ряд вопросов и показывающий, что у хакасов, несмотря на то, что они за годы советской власти шагнули далеко вперед в своем развитии, все же до недавнего времени стойко держался целый ряд пережитков первобытно-общинных отношений. Так например, экзогамия у хакасов, несмотря на довольно смутное представление их о роде, сохранялась до недавнего времени; с распадом рода экзогамные отношения перешли на «фамилию». Распространены были умыкание женщин и левират; как случайные явления они встречаются до настоящего времени, о чем свидетельствуют приводимые диссертанткой факты. Ю. А. Шибаева связывает эти обычаи с калымом. Умыкание, по ее мнению, имеет целью уменьшить сумму калыма, ставя родителей женщины перед совершившимся фактом. Однако, М. О. Косвен считает происхождение умыкания значительно более сложным. В отношении левирата автором, по мнению оппонента, дана не вполне точная формулировка. Проф. Косвен разъяснил, что по обычному праву вдова не являлась наследницей мужа, поэтому левират не следует связывать со стремлением воспрепятствовать вдове завладеть имуществом мужа. Объяснение сохранения левирата у хакасов он видит в том, что калым, уплаченный за женщину, принадлежал роду, поэтому она становилась собственностью этого рода и уйти из него не могла. Неправильным считает оппонент то, что диссертантка относит левират к пережиткам патриархального строя, а сорорат к пережиткам материнского рода, тогда как оба эти института унаследованы от эпохи матриархата. Общее замечание оппонента — что по пережиткам матриархата материала в работе дано меньше, чем по пережиткам патриархата; следовало бы привлечь больше литературных данных. Б. А. Васильев отметил прекрасно проведенную диссертанткой полевую работу и исчерпывающее исследование системы и терминологии родства. Замечания его касались недостаточности сравнительно-этнографического материала и спорности датировки матриархального рода (которую, учитывая древность последнего, следовало бы обосновать археологическими данными) и патриархального рода, разложение которого автор относит к XVII в.; оппонент, ссылаясь на авторитетные работы в этой области и на исторические акты, считает, что в XVII в. хакасское общество находилось уже на стадии установившихся феодальных отношений. В качестве пожелания для дальнейшей работы Б. А. Васильев предложил составить карты расселения хакасских родов и племен, а также исследовать вопрос об административном роде, который оппонент, следуя выдвинутому Б. О. Долгих положению, считает не искусственным образованием, созданным царским правительством, а реально существовавшим объединением. Оба оппонента сходятся в оценке работы как солидного труда, дающего право присудить автору степень кандидата исторических наук. Диссертантке присуждена искомая степень.

3 июня 1947 г. защищена диссертация на соискание степени доктора исторических наук заведующим отделом этнической статистики и картографии Института этнографии проф. П. И. Кушнером. Диссертация озаглавлена: «Этническая граница и этнографическая территория». Официальные оппоненты: член-корр. АН СССР проф. А. Д. Удальцов, доктор исторических наук проф. М. О. Косвен и доктор исторических наук проф. С. П. Толстов. Как отметили оппоненты, в работе исследуется одна из самых актуальных, политически острых и методологически трудных проблем этнографии. Трудность заключается прежде всего в самой сложности этой проблемы, определяемой разнообразными факторами: историческим прошлым каждого народа во всем его многообразии; смешанным составом населения пограничных районов, обуславливающим сложный переплет его этнографических особенностей, на которых в сильнейшей мере сказывается влияние соседящих народов; запутанностью источников,

отражающих политическую заинтересованность господствующих классов и группировок того или иного государства, в результате чего перед исследователем встает в первую очередь задача очищения источников от фальсификации; наконец — полной неразработанностью методологии исследования в данной области. Оппоненты считают особой заслугой диссертанта марксистскую разработку этой методологии, базирующейся на ленинско-сталинском учении о нации. На примере существующих в Европе этнических границ диссертант показал, какими методами следует определять этнический состав населения данного района, что считать туземным населением и каким образом устанавливаются характер и размеры этнографических территорий. Для Европы автором устанавливаются три основных типа этнических границ: 1) такие, где соприкасаются чуждые друг другу по языку и обычаям народы; 2) границы, отделяющие родственные национальности; 3) границы, на которых соприкасаются национальности, не родственные, но и не очень далекие. Из этих положений автор делает практические выводы, касающиеся методов составления этнографических карт. Свои положения П. И. Кушнер конкретизирует на примере так называемой «Малой Литвы». Как указал проф. А. Д. Удальцов, в работе приводится обширный этнографический материал, относящийся к этой еще мало изученной стране; особенно интересен материал по топонимике. Убедительно разработаны вопросы, касающиеся готской проблемы и эстив. Однако оппонент не может согласиться с некоторыми положениями, высказанными автором работы. Он считает неправомерным противопоставление понятий «этническая граница» и «этнографическая территория», ибо, с одной стороны, граница и территория неразрывно связаны между собой, с другой стороны — возникает вопрос, можно ли употреблять термин «этнографический» в отношении к территории, населенной современной нацией. Хотя даваемая автором характеристика относится им к территориям, но тот комплексный метод, которым он оперирует, характеризует не территорию, а именно нацию — так, как ее определяет И. В. Сталин. Помимо того, в понятии «этнографическая территория», как понятии статичном, не отражается смена стадий развития человеческих обществ. С. П. Толстов, обращаясь к затронутым А. Д. Удальцовым вопросам, считает вполне правомерным употребление термина «этнографическая территория», понимая под этим, как это делает автор работы, ту территорию, на которой складывается и развивается данная народность. Исходя из определения нации, данного товарищем Сталиным, можно считать, что этнографическая территория является предпосылкой для формирования национальной территории. Значительным вкладом диссертанта проф. Толстов считает решение вопроса об определении исторических прав народов на ту или иную территорию: империалистическому подходу к этому вопросу буржуазных исследователей и политиков, ссылающихся на «исторические права», основанные на захвате, П. И. Кушнер противопоставляет марксистско-ленинское понимание этих прав, определяемых творчески-трудовой деятельностью народа. Историческими правами на территорию обладает тот народ, который сформировался на данной территории, будучи связанным с ней на протяжении длительного периода, народ, который в результате своей многовековой деятельности наложил на эту территорию отпечаток своего национального хозяйственного и культурно-бытового уклада, сжил ее и неотделим от нее. В заключение С. П. Толстов высказал пожелание о дальнейшем исследовании типов этнических границ не только на европейском материале, но и в отношении других стран. В частности, большой интерес представляет изучение типов этнических границ, существующих в Азии, например узбекско-таджикской границы; здесь мы наблюдаем явление, когда народы, с точки зрения лингвистической классификации достаточно далекие один от другого, вследствие специфических исторических условий показывают значительное взаимопроникновение, восходящее своими корнями в далекое прошлое. Процесс этногенеза и формирование этнографической территории идут параллельно на протяжении многих веков. Проф. М. О. Косвен в своем выступлении подчеркнул большую ценность представленной работы, являющейся образцом методологического исследования, пролагающего новый путь и могущего служить руководством для дальнейших работ в данной области. Диссертанту единогласно присуждена степень доктора исторических наук.

24 июня 1947 г. состоялась защита диссертации на степень кандидата исторических наук А. К. Супинским на тему: «Этнографические памятники жилища лесной зоны СССР». Официальные оппоненты: доктор историч. наук П. Н. Третьяков и доктор историч. наук Л. П. Потапов. Работа, посвященная исследованию жилища лесных областей внешней территории СССР в эпоху первобытно-общинного строя, построена на собранном автором обширном этнографическом материале, с привлечением археологических и лингвистических данных. Автор полагает, что у древних насельников указанной зоны существовали два основных первичных типа жилища: у племен оседлых, рыболовческих жилища представляли собой землянки, у охотничьих кочевых племен были наземные легкого типа жилища. Как у тех, так и у других племен жилища делились на мужские и женские. К периоду установления парной семьи, к эпохе матриархата относятся двухочажные спаренные жилища, в которых мужчина и женщина пользовались каждым своим очагом; эта двухочажность исчезает при переходе к патриархальному строю. П. Н. Третьяков, излагая эту концепцию дис-

сертанта, считает ее весьма интересной и заслуживающей внимания археологов. Вся работа в целом представляется оппоненту значительным событием в области этнографической науки. Наряду с положительными ее сторонами оппонент остановился и на ряде имеющихся в ней существенных недостатков. К числу их он относит в первую очередь стремление автора создать универсальную схему, без учета конкретной исторической обстановки, в которой протекала жизнь населения данной территории. При этом автором в известной мере игнорируется этнический принцип. В работе нет раздельного анализа групп источников. Не дано сравнительного анализа славянских жилищ других районов. К недостаткам работы П. И. Третьяков относит и переоценку идеологических моментов за счет материальных факторов. Так, например, автор объясняет двухочажность принадлежностью мужчины и женщины к культурам двух родов, оставляя в стороне вопрос о разделении труда. Работа проигрывает от того, что автор попутно затрагивает много вопросов, не имеющих непосредственного отношения к данной теме, что загружает основную конструктивную часть исследования. Все указанные недочеты могут быть легко выправлены при подготовке работы к печати, чего она, по мнению оппонента, вполне заслуживает. Л. П. Потапов считает заслугой автора исследовательскую разработку этапов развития жилища северных алтайцев; особенно важно внесение ясности в вопрос о существовании землянок у шорцев, решенный автором отрицательно. В этой части обсуждаемая работа, по мнению оппонента, составляет ценный вклад в этнографию Сибири. Но Л. П. Потапов не может согласиться с диссертантом в трактовке им истории очага, а также в анализе религиозных воззрений северных алтайцев. В частности, оппонент возражает против определения автором назначения очага как оберега от злых духов, причем автор ссылается на мустьерское время; Л. П. Потапов указал, что очаг возник раньше религиозных верований и функции оберега он мог получить только значительно позднее. Возражает он также против выводов диссертанта, основанных на сравнительном анализе лингвистических данных, как выводов неверных. Выступивший в прениях проф. С. П. Толстов, присоединяясь к общей положительной оценке диссертации, данной официальными оппонентами, высказал некоторые пожелания в части дальнейшей доработки представленного исследования для подготовки его к печати. Считая общее методологическое направление работы правильным, проф. Толстов возражает против некоторых частных методологии и особенно методики исследования. На работе, сказал он, лежит отпечаток уже пройденного советской этнографической наукой этапа, характеризовавшегося оторванностью от истории, чрезмерно широкими обобщениями социологического порядка, отказом от учета взаимодействий и взаимовлияний, от прослеживания конкретно-исторических корней каждого явления. Необходимо увязать исследование жилища с конкретной историей того народа, памятником материальной культуры которого оно является. Необходимо также привлечь сравнительный синтадачный материал. Что касается социологических выводов, то они должны базироваться в первую очередь на исследовании фактов материальной и общественной жизни, являющихся первичной основой, отражающейся в идеологических представлениях, а не наоборот. В результате переработки обсуждаемого исследования, закончил С. П. Толстов, может получиться весьма ценная работа, ибо и в настоящем своем виде она очень интересна по замыслу, изобилует богатыми материалами и оригинальными мыслями и несомненно представляет собой значительный вклад в этнографическую науку. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

24 июня 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук научным сотрудником Государственного музея этнографии А. С. Морозовой. Работа, озаглавленная «Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX веке», построена на литературных материалах, архивных источниках, хранящихся в Ташкенте и Ашхабаде, а также на экспедиционных материалах, собранных автором на месте. В первой главе дается анализ аламанов — вооруженных набегов туркмен на соседние страны с целью захвата рабов; в следующих главах исследуются вопросы о работорговле, о рабстве у туркмен и у узбеков; в заключительной главе характеризуется роль России в уничтожении рабства в Средней Азии. Выступивший в качестве официального оппонента проф. С. П. Толстов отметил проведенную диссертанткой большую работу по сбору материалов и изучению источников, в том числе персидских. В обсуждаемой работе, заявил оппонент, сведен весь имеющийся в науке материал о рабстве у туркмен и хорезмских узбеков XIX в. и по-новому освещен ряд вопросов, не находивших до сих пор должного отражения в литературе. Оппонент вполне согласен с основными выводами работы; автором дана правильная характеристика рабства, тщательно исследованы вопросы о работорговле, положении рабов и их производственном использовании и т. д. Замечания оппонента в основном обусловлены малой изученностью социальной истории туркмен. Этим в известной мере объясняется то, что в диссертации недостаточно отражена специфика рабства у туркмен по сравнению с другими народами, например, с казахами. Чтобы выявить эту специфику, необходимо исследовать рабство в тесной увязке со всей структурой данного общества, с одной стороны, и во взаимоотношениях его с окружающими народами, с другой. У туркмен XIX в. феодальные отношения были менее развиты, чем у казахов, поэтому рабство занимало гораздо более крупное место в си-

стеме форм эксплуатации, существовавших в туркменском обществе, нежели это было у казахов. Диссертантка не раскрыла до конца причины происхождения аламанства, коренившиеся, во-первых, в том, что в ходе истории туркмены оказались загнанными в самую бесплодную часть Средней Азии, вследствие чего продуктивность их хозяйства была значительно ниже, чем у других народов, и это задерживало прогрессивное развитие общества; во-вторых, большую роль играло использование туркменских племен окружающими государствами в качестве военной силы, что способствовало сохранению в среде этих племен элементов первобытной военной организации, в том числе рабства, как одного из этих элементов. Этими причинами в значительной мере объясняется застойный характер общественно-экономического уклада туркмен. Возвращаясь к вопросу об источниках исследования, проф. Толстов высказал пожелание, чтобы в дальнейшей работе был привлечен фольклорный материал, материал узбекских генеалогий, а также хроники хивинских ханов, в которых упоминаются рабские войска. Оппонент считает также желательным разработать карту маршрутов алмазников, которая наглядно представила бы данную в работе локализацию географических точек. Второй официальный оппонент, кандидат исторических наук Н. А. Кисляков отметил значение данной работы как первого исследования вопроса о рабстве у туркмен и других народов Средней Азии, полноту собранной диссертанткой литературы и особенно ценность ее полевых материалов, полученных путем опроса глубоких стариков, являющихся живыми свидетелями рабства. Вопрос о рабстве рассмотрен автором всесторонне и детально. Интересен материал о рабынях-наложницах и их детях. В этой связи следовало бы остановиться на вопросе о полигамии для главы семьи и о положении наложницы и ее детей в случае, когда ее владелец имел жену. Следовало бы также осветить вопрос о влиянии на структуру туркменского общества детей от рабынь, которые должны были выделяться в какую-то особую прослойку, несомненно иправшую роль в общественной жизни. Наличие детей от рабынь, в основном иранских женщин, должно было способствовать проникновению в туркменскую среду иранских влияний, в частности — иранских семейно-правовых норм. Данная диссертанткой характеристика рабства у туркмен не вызывает возражений у оппонента; что же касается рабства у хорезмских узбеков, то данная в работе формулировка о его производственном характере вызывает вопрос о господствовавшем здесь укладе — феодальном или рабовладельческом. Оппоненту представляется, что роль рабства в Хиве автором несколько преувеличена. Оба оппонента подчеркнули, что сделанные ими замечания отнюдь не имеют целью умалить ценность представленной работы, дающей бесспорное право присудить ее автору искомую степень. А. С. Морозовой присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ

Государственный музей этнографии до 1934 г. находился в системе Русского музея на правах его этнографического отдела. В 1934 г. Отдел этнографии был преобразован в самостоятельный Музей этнографии. Таким образом, история его возникновения и развития связана первоначально с историей Русского музея.

13 апреля 1895 г. был опубликован указ, учреждающий «Русский Музей императора Александра III»¹. На основе этого указа 14 февраля 1897 г. было утверждено Положение о Музее. Однако открытие его последовало значительно позже. Академики А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов, Д. Н. Анучин, В. В. Стасов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. И. Ламанский, В. В. Радлов, а также заведующий Этнографическим отделом Д. А. Клеменц приняли участие в первых совещаниях, посвященных вопросам устройства и организации Этнографического отдела Русского Музея, происходивших 30 января, 13 февраля и 17 апреля 1901 г. В результате этих трех совещаний большинство участников пришло к выводу, что в задачу Этнографического отдела входят «этнография Российской империи, славян и сопредельных стран»². Какого же порядка держаться при расположении коллекций — племенного или географического? Совещание пришло к заключению, что «при расположении коллекций держаться порядка географического (областного), но не проводить его чересчур строго и особыми коллекциями характеризовать некоторые, наиболее важные черты народной жизни, наблюдаемые в целом ряде областей». В результате такого компромиссного решения было принято деление экспонатов по 21 области. 10 января 1902 г. был утвержден временный штат Этнографического отдела. Заведующим отделом был назначен Д. А. Клеменц, работавший ранее старшим этнографом Музея Академии Наук. Он прослужил в отделе до 1 января 1910 г., когда был уволен в отставку по болезни. Благодаря Д. А. Клеменцу к работе Музея были привлечены как академические круги, так и многие политические, сосланные царским правительством в Сибирь. В 70-х годах Д. А. Клеменц принял участие в народническом движении, в 1879 г. был аре-

¹ Сборник узаконений, касающихся Русского Музея. Пг., 1915.

² См. протокол второго совещания (напечатан); протокол третьего совещания находится в рукописи.